

Литература

1. Cameron A. Das späte Rom. 284–430 n. Chr. — München, 1994.
2. John K.-P. Kaiser, Senat und Ritterstand // Gesellschaft und Wirtschaft des Römischen Reiches im 3. Jahrhundert. — Berlin, 1993.
3. Demandt A. Antike Staatsformen. Eine vergleichende Verfassungsgeschichte der Alten Welt. — Berlin, 1995.
4. Demandt A. Spätantike: Römische Geschichte von Diocletian bis Justinian. 284–565 n. Chr. — München, 1989.
5. Schulz O. Th. Vom Prinzipat zum Dominat. Das Wesen des römischen Kaisertums des dritten Jahrhunderts. — Paderborn, 1919.
6. Levi M. A. L'Impero romano (dalla battaglia di Azio alla morte di Teodosio). — Torino, 1973.
7. Ridley R. T. History of Rome: a documented analysis. — Roma, 1987.
8. Carri J.-M. Eserciti e Strategie // Storia di Roma. Vol. 3. L'età tardoantica. I. Crisi e trasformazioni. — Torino, 1993.
9. Hahn L. Das Kaisertum. — Leipzig, 1913.
10. Christ K. Geschichte der römischen Kaiserzeit: von Augustus bis zu Konstantin. — München, 1988.
11. Hartmann F. Herrscherwechsel und Reichskrise: Untersuchungen zu den Ursachen und Konsequenzen der Herrscherwechsel im Imperium Romanum der Soldatenkaiserzeit (3. Jahrhundert n. Chr.). — Frankfurt a. M.; Bern, 1982.
12. Ferrero G., Barbagallo C. Das alte Rom. — Stuttgart, 1927.
13. Bleicken J. Verfassungs- und Sozialgeschichte des Römischen Kaiserreiches. Bd. I. 2. verbesserte Auflage. — Paderborn; Munich; Wien; Zürich, 1981.
14. Сергеев И. П. Римская империя в III веке нашей эры. Проблемы социально-политической истории. — Харьков, 1999.
15. Сергеев И. П. К вопросу о трактовке понятия «кризис» в философии и антиковедении // Античный мир. Византия: К 70-летию профессора В. И. Кадева (Сб. науч. трудов). — Харьков, 1997.
16. Alföldi A. Studien zur Geschichte der Weltkrise des 3. Jahrhunderts nach Christus. — Darmstadt, 1967.
17. Alföldy G. Römische Sozialgeschichte. 3. völlig überarb. Auflage. — Wiesbaden, 1984.
18. Dionis continuatio // Fragmenta historicorum graecorum. Vol. 4. — Parisiis, 1885.

Резюме

В статті розглядається питання щодо обґрунтованості досить поширених в історичній літературі спроб поділяти правителів Римської імперії періоду кризи III століття на дві групи — «сенатських» та «солдатських» імператорів. На думку автора статті, більш правильним буде об'єднувати римських правителів цього часу в шість груп, при чому «солдатські» та «сенатські» не складали їх більшості.

Summary

The article deals with the problem if rather widespread and scientifically grounded attempts to divide the Roman emperors of the crisis period of the 3rd century into two groups: «senates» and «soldiers» emperors. The author of the article gives his opinion of this problem. According to the author it will be more correct to unite the Roman emperors of this period in six groups, whereas «soldiers» and «senate's» emperors aren't majority.

С. Б. Сорочан

РАННЕВИЗАНТИЙСКИЙ СЕКТОР УСЛУГ: МЕНЯЛЫ (IV–IX вв.)

Источником банковского дела, как утверждал автор одного из лучших пособий по этому предмету, немецкий экономист Б. Бухвальд, являлся размен денег, то есть как раз именно та область, которая в современных банках принадлежит к числу самых второстепенных. «Где были менялы, — отмечал Б. Бухвальд, — там экономическое развитие должно было находиться в стадии менового хозяйства» [1, с. 3]. Поэтому меняльные, ростовщические операции и кредитные сделки с точки зрения торгового права могут рассматриваться как вспомогательные отрасли торговли, связанные с третичным сектором — сектором услуг, а сами менялы и ростовщики как купцы, каковыми они иногда являлись на самом деле. К примеру, со слов Сократа Схоластика можно понять, что профессиональные константинопольские менялы, владельцы лавок, были одновременно купцами, то есть совмещали свое основное занятие с торговлей [2, VI. 6, с. 245–246].

Наличие в обращении разных денежных систем и постоянная нужда в ходовой мелкой монете для повседневной купли-продажи делали профессию менялы крайне необходимой и важной для нормального функционирования любого внутреннего рынка, в том числе и позднеантичного, денежное обращение которого в V в. даже несколько улучшилось [3, с. 85; 4, с. 93].

Среди специалистов банковского дела римляне различали менсариев, которые, подобно греческим трапезитам, принимали на хранение вклады; нуммуляриев — собственно менял, и особенно аргентариев, обращавших на выдачу займов вклады, принимаемые от частных лиц [5, с. 42–43, прим. 1]. Латинский термин аргентарий тоже являлся синонимом греческому трапезиту [6, р. 153–158]. С начала VII века сведения об аргентариях почти исчезают, что позволило О. Р. Бородину на основе материалов Италии византийской эпохи выдвинуть предположение о сужении внутреннего рынка, постепенном падении монетного обращения и, как

следствие, сокращении спроса на профессию менялы, которая стала малоприбыльной и редкой [7, с. 119–120].

Однако наблюдалось ли подобное повсеместно? Ведь границы «номисма—зоны» были достаточно обширны, а раннесредневековая Византия сохранила денежное обращение и денежные расчеты. Во всяком случае, упоминания денег не сходят со страниц византийских сочинений, документов, а нумизматические материалы соответствуют уровню развитых товарно-денежных отношений. Кроме того, надо учесть, что менялы были известны византийцам не только под названием аргентарии. Как и римляне, они употребляли в ранневизантийский период термин *pummularii* [8, XVI. 4.5.1 (404 г.); 9, I.2.2 (439 г.)]. М. Бартошек относил последних к мелким банкирам, очевидно, предполагая их участие в кредитных операциях [5, с. 229]. Сходные функции осуществляли *collectarii* [8, XII.1.37; 10, р. 232]. В Фаюме они оставались известны под тем же названием (*kollektarios*) и после арабского завоевания [11, S. 24]. В энциклопедическом словаре — лексиконе Суда (Свида) *коллектарий* или *argyutaioibos* был помещен рядом с *trapeziees* [12, s. v.], и значит, за столетия, прошедшие до X века, глубинное понятие сути профессии не изменилось.

В Византийском Египте менял именовали *chrysonai* и *zygostatai* [13, р. 174; 14, р. 10; 15, с. 142], что указывает на их связь с золотом и его взвешиванием с помощью небольших весов — зиг. Кроме того, они выполняли общественные функции — брали на откуп сбор денежных налогов и подчинялись при этом августалу — правителю Египта. В источниках IV в. встречается еще одно упоминание менял — *kermatistes*, причем в сочетании с значением «комиссионер, оценщик, торговец подержанными вещами» [16, col. 984 (Caesarius)]. В смысле разменщика денег этот термин продолжал понимать Феофан, вкладывая похожее значение также в слово *melistes* [17, р. 367, 11]. Другой термин — *kollybistes* встречается только в церковной литературе. Так, его употреблял в III в. Ориген, говоря о размене крупных денег на мелкие (*kollybizo*) [18, р. 675], и таким же образом обозначил профессию менялы канонист Зонара в комментариях к 76 правилу Пятошестого (Трулльского) синода (692 г.) [15, с. 141].

С разменом денег были связаны и *argyropatai*, хотя, как можно понять, это не являлось их основным занятием [19, nov. 136; edict. VII, IX; 11, S. 23–24; 15, с. 128]. Никита Хониат писал об одном из известных константинопольских купцов конца XII в. Каломодии, что он был одновременно и менялой [20, р. 692 sq.]. Очевидно, похожее профессиональное сочетание наблюдалось в отношении аргиропратов, торговавших драгоценностями, дорогими украшениями и сосудами. Но узкоспециально меняльным делом (*trapeziton*) они не занимались, в отличие от достаточно давно известных трапезитов. Последние, если верить свидетельствам, касающимся Александрии III–IV вв., были государственные,

«законные» (*ai para toy dioketoy en tois vomois trapezai*) и частные (*trapeza idiotike, trapezai kollybistikai*) [21, S. 78–79].

Книга Эпарха не оставляет сомнений в том, что константинопольские трапезиты составляли особую систему, быть избранными в число членов которой можно было только представив соответствующих поручителей [15, III.1]. Главным для них было сосредоточить операции по размену и оценке денег в своих руках. Поэтому скупщики и продавцы льняных изделий, равно как и все прочие, обязывались сдавать мелкие медные деньги, нуммии (*poumia*), трапезитам и не должны были копить их, создавая недостаток (*endeia*) разменной монеты [15, IX.5]. Последнее затрудняло торговлю, но было выгодно для торговцев [22, с. 267]. Даже уплата цены за товар должна была осуществляться равным счетом, ибо в противном случае происходило бы покушение на привилегию менял на разменные операции [23, с. 10]. Таким образом, обязанности трапезита были монопольны, и никто не имел права их себе присваивать [ср. 15, X. 4]. Разумеется, любой торговец мог менять в ходе сделки деньги (не разрешать ему этого абсурдно), но делать это он должен был без violations соответствующего сбора, положенного трапезиту. Вероятно, именно в этом значении следует понимать соответствующий глагол *trachynein* в той статье Книги Эпарха, где речь идет о запрете мирэпсам заниматься делом трапезитов, дословно: «делать неровным» обмен нуммиев, получать неэквивалентное обмениваемой меди количество серебряных милиарисиев или золотых солидов [15, X. 4].

Распространенным синонимом термину трапезит выступало также слово *каталлакт* (*katallaktes*). Операция по размену денег (*katallage*) упоминается в одном из писем Игнатия Диякона, митрополита Никей в первой половине IX в. [24, р. 199]. А. П. Рудаков, очевидно, полагал, что именно каталлакты, а не трапезиты взвешивали золотые монеты и меняли их на более мелкие номиналы из серебра и меди [25, с. 121]. М. Я. Сюзюмов, напротив, отмечал соответствие этого понятия термину трапезит, но считал, что оно было уже по смыслу [15, с. 141]. Возможно, тут примешивается представление о поздневизантийских каталлактах, которые действительно не относились к прослойке «банкиров», хотя среди них было немало таких, кто имел значительные денежные средства [26, р. 110–111]. Как бы то ни было, в Книге Эпарха оба термина используются одновременно, в абсолютно равнозначном значении и в разделе о менялах одинаковы даже по количеству упоминаний [15, III. 1–6].

Этого не скажешь о саккулариях (*sakkoularioi*), которые выступали конкурентами каталлактов [15, III.2]. В чем конкретно заключалось их соперничество, столь очевидное для современников, можно лишь догадываться, но, очевидно, прав был Жан Николь, разглядевший в них нелегальных менял [ср. 11, S. 23]. Эту же точку зрения развивали Е. А. Черноусов и М. Я. Сюзюмов, причем последний верно обратил внимание

на буквальный перевод термина как «мешочник» (от *sakkos* — мешок) [15, с. 145]. В отличие от узаконенных трапезитов — систиматиков, они не имели специальных меняльных столов и таились на улицах и квартальных улочках (*en tais plateias kai gymais*), ускользя от контроля властей. Похоже, нечто подобное наблюдалось в позднеантичной Александрии с ее официально признанными и частными трапезитами.

Прибыль от меняльных операций всегда крылась в том, что обмен производился за определенные проценты. Известно, что пергамские менялы во II в. н. э. злоупотребляли этим [27, № 565]. В Византии трапезиты руководствовались при обменных операциях императорскими тарифами, устанавливавшими соотношение полноценного солида и разменной монеты. Прокопий Кесарийский сообщал, что Юстиниан I постановил давать за один золотой не 210 фоллов, как было прежде, а 180, и поэтому менялы «отрезали» от каждой номисмы седьмую часть [28, XXV.12, с. 400; ср. 29, р. 486, 19]. Даже если историк напутал и вместо 200 фоллов, установленных в солиде законом 538 г., назвал 210, это несущественно [9, X. 29]. В любом случае пределы комиссионным клал официальный курс обмена. Однако поскольку стоимость серебра подвергалась рыночным колебаниям, можно было играть на образующейся разнице цен при обмене [30, S. 134]. Другую лазейку предоставляла оценка монет, поступавших к трапезитам для размена, поскольку при этом весьма субъективно контролировались подлинность изображения василевса на монете, а также качество монеты, степень ее сохранности, наличие повреждений, устанавливалась, если требовалось, проба, что позволяло либо принять монету по полной цене, либо снизить ее стоимость [15, III. 3].

Поиски выгоды выводили и к иным побочным занятиям, связанным с деньгами. Нет сомнений, что менялы сочетали свое ремесло с деятельностью ростовщиков, кредиторов, скупщиков и продавцов драгоценностей. Дигесты указывают, что они брали деньги на хранение и при этом по закону не должны были платить проценты с денег, взятых на хранение, тем лицам, которые сдали их [31, XVI. 3. 72]. Если меняла объявлялся несостоятельным, его имущество продавалось, а деньги, взятые на хранение, он был обязан вернуть, уплатив из вырученного [31, XVI. 3. 72].

Впрочем, насколько все это расходилось с живой практикой дела, показывает история, рассказанная Иоанном Мосхом о некоей супружеской паре, которая, скопив 50 милиарисиев, решила отдать их на хранение трапезиту, но именно потому, что хотела получить с них проценты [32, col. 3060]. Если на это могли рассчитывать даже такие незначительные вкладчики, то что же говорить о более состоятельных. Еще один рассказ Мосха повествует о долгом торге человека, нашедшего в пойманной рыбе драгоценный камень, с трапезитом — аргиропротом, которому он принес свою находку [32, col. 3061].

Чудеса вмч. Артемия, отразившие быт византийского города VI–VII вв., называют менялу одновременно ростовщиком (*chrysokatallaktes kai semadarios*) и многозначительно уточняют, что получаемая им прибыль составлялась из обвешивания во время размена монет и огромных процентов с денег, даваемых в долг [33, s. 61–62]. Прокопий тоже писал, что трапезиты отдалживали деньги под баснословные проценты тем, кто покупал у императора чиновные должности [28, XXI. 13, с. 386].

Книга Эпарха, очевидно, пыталась зафиксировать более четкое разделение между аргиропратами и трапезитами — каталлаками, сосредоточив у первых торговлю драгоценностями, посреднические и ссудные операции, а вторым предоставив исключительно роль специализированных менял и оценщиков монет. Но на практике такое разделение, видимо, соблюдалось с большой натяжкой: те, кто имели дело с деньгами, вполне естественно эволюционировали в сторону ростовщичества [ср. 34, р. 124; 15, с. 140–141].

Выходит, деятельность византийских менял была профессионально ориентирована, но, как и следовало ожидать, далека от узкой специализации. Их главным «орудием труда» были проворные руки и небольшие равноплечные весы — зигии. Характеристики, оставленные современниками этой части профессионалов сектора услуг, нередко столь негативны, что создают представление о некоей особой, едва ли не маргинальной группе общества. Свою лепту в этот хрестоматийный образ внес прекрасный, колоритный портрет — зарисовка менялы, несколькими фразами набросанный Прокопием Кесарийским в рассказе о головокружительной карьере одного из них, сирийца Петра Варсимы, ставшего при Юстиниане патриkiem и первым чиновником в столице. До того, как попасть на престижную службу в префектуру претория, он, сидя на рынке за меняльным столом с медью, самым позорным образом, полагаясь на виртуозную ловкость своих пальцев, обсчитывал имевших с ним дело, попросту крал оболы, а когда бывал пойман, «... клялся и грех рук покрывал дерзостью языка» [28, XXII. 3–4, с. 388–389]. В ранневизантийском Житии Маркиана Эконома, пересказанном Симеоном Метафрастом, трапезит, у которого преподобный разменивал золото, чтобы раздать деньги беднякам, тоже изображен мошенником, пытавшимся самым бессовестным образом обвесить своего почтенного клиента [35, col. 449]. К слову, постоянная необходимость взвешивать монеты при всякой денежной операции снижала быстроту и удобство платежей, но состояние денежного дела не позволяло избежать этого.

Наиболее последовательную негативную оценку менял как людей, занятых позорным ремеслом, сохраняла официальная церковная точка зрения, объяснявшая это тем, что получаемый менялами доход строился на обмане, обвешивании, обсчитывании, а если еще был связан с ростовщичеством, то на обдирании должников за счет греховных процентов. К примеру, сын хрисокаталлакта и симодария, — один из героев Чудес вмч. Артемия, настолько стыдился занятия своего отца, что вопреки воле

родителей выбрал путь церковнослужителя [33, с. 61–62]. И все же видеть в менялах одних мошенников было бы неправильно. Власти выделяли их среди прочих ремесленников и даже купцов, привлекая вместе с сыновьями к участию в военных мероприятиях, и эта практика, судя по упоминаниям о ней в Василиках, была пронесена сквозь столетия, что говорит о стремлении государства поддерживать репутацию менял на должном уровне [19, пов. 136, сар. 2; 36, XXIII.4]. Согласно Книге Эпарха, за вновь избранных членов системы трапезитов ручались порядочные, «почтенные и честные люди» [15, III.1], да и сами трапезиты следили за тем, чтобы не совершалось ничего противозаконного. Недаром некоторые экзагии несли символику основной заповеди христианства — «не укради», снабжаясь изображениями крестов, хризмы, виноградной лозы, храма [37, с. 11–12]. Средневековая этика труда распространялась и на представителей этой профессии, в необходимости и полезности которой, конечно, не сомневался ни один практичный ромей. Следовательно, перед нами очередное амбивалентное восприятие доходов от торговли, свойственное менталитету эпохи [ср. 38, с. 409–413].

М. Я. Сюзюмов полагал, что ни о каких широких банковских операциях у трапезитов IX–X вв. не могло быть и речи, поскольку они выполняли функции лишь простых менял, которые ограничивались в числе помощников (не более двух), не могли поручать вести дела доверенным лицам и иметь свои филиалы или хотя бы посылать помощников работать на стороне [22, с. 268]. В целом эта историческая оценка выдержала проверку временем и остается признанной. Однако надо учесть, что и прежде, в IV–VI вв., такие финансовые операции с участием меняльных контор были достаточно редки. Когда дело касалось межрегиональных, межгородских переводов денег, возвращенных по кредитам, этим обычно занимались ростовщики, среди которых менялы не зафиксированы.

Ограничения в числе помощников тоже призрачны. Речь шла о том, что любой столичный трапезит должен был — в переносном значении: обязан (*orheilo*) — иметь двух «служащих» (*yperetai*, *yperetoumenoï*), которые бы выкладывали (дословно — «нагромождали») медные монеты (*tes episozeysin ton noumion*) [15, III. 4] и, надо полагать, отвечали за охрану своих пунктов обмена. Выходит, менялы пытались, иногда в ущерб делу, обходиться без таких прислужников, и предписание Книги Эпарха стремилось положить этому конец. Речь шла не о «более двух» ипиретах, а о том, чтобы их было «не менее двух».

Нет оснований считать меняльных служащих только наемными работниками — мисфиями [15, с. 146]. Глагол *kektesthai* («приобрести») явно указывает на их зависимое положение от своих хозяев, а требование поручительства трапезита за их действия указывает на ограниченную правоспособность таких лиц, которые были либо слугами — учениками, либо слугами — рабами, и поэтому сами не могли вести дела [15, III. 4; ср. III. 1. 6]. Это тем более вероятно, поскольку первая же статья

раздела предусматривала, что трапезит должен был иметь помощника — раба и даже нескольких дулов, но они не имели права выполнять все обязанности менялы [15, III. 1]. Значит, Книга Эпарха не ограничивала, да и не собиралась ограничивать количество рабов, приобретаемых трапезитом [ср. III. 4, с. 146], а оговаривала обязательное минимальное число лиц, свободных или нет, которые должны были помогать трапезиту в спором и исправном ведении разменных операций [ср. 15, III. 6]. Рабов, не занятых в делах его профессии, каждый трапезит мог иметь, конечно, сколько ему позволяли средства и желание.

Византийские менялы были связаны с нуждами государства и его деятельностью и уже поэтому преуменьшать их значение было бы необъективно. Показательно, что, согласно юстинианову праву, только менялы (*argentidistractoribus*) и аргиропраты столицы получили разрешение нести государственную гражданскую службу, тогда как все прочее торгово-ремесленное население империи оставалось лишено этого права [9, XII. 35; 19, пов. 136, сар. 2; edict. IX, сар. 6]. Трапезитам поручалось составление описей, причем в разрез с распространившейся при Юстиниане практикой, достаточно было одного их свидетельства [9, IV. 21. 22. 5]. Во время хорегий (дословно — «помощей»), вероятно, сопровождавшихся массовыми выдачами правительством денежных сумм, трапезиты выполняли какую-то общественную обязанность, скорее всего, связанную с помощью чиновникам при подсчете и размене денег [15, III. 6, с. 147]. Привлекались они к «царской службе» (*basilikos douleias*) и в других случаях. Как и аргиропраты, менялы несли контрольно-инспекторские функции, связанные с обеспечением нормального функционирования имперского монетного обращения [15, III. 2. 5].

Пример цивилизации средневекового Запада показывает, что обмен денег и банковские операции часто сосредоточивались в руках одних и тех же лиц [ср. 39, с. 47]. Но если в феодальной Европе это стало играть особенно значительную роль лишь с XII в., то в Византии с ее важной ролью денег и развитого менового хозяйства подобная тенденция не угасала в течение всего раннего средневековья [ср. 40, р. 1–43], и с этой точки зрения спрос на профессию менялы мог упасть только в тех окраинных анклавах, которые постепенно выходили из «номисма-зоны» и утрачивали связь с империей, как это случилось с Восточной Италией в VIII веке.

Литература

1. Бухвальд Б. Техника банковского дела. — М., 1914.
2. Сократ Схоластик. Церковная история: Статья и коммент. И. В. Кривушина. — М., 1996.
3. Parnicki–Pudelko S. Agora. — Warszawa; Wrocław, 1957.
4. Кадеев В. И., Сорочан С. Б. Экономические связи античных городов Северного Причерноморья в I в. до н. э. – V в. н. э. — Харьков, 1989.

5. Бартошек М. Римское право: понятия, термины, определения. — М., 1989.
6. Susini G. Gli argentari di Ravenna // Atti e memorie della Deputazione di Storia Patria per le provincia di Romagna. — Bologna, 1959–1960. — NS. — Vol. 2.
7. Бородин О.Р. Византийская Италия в VI–VIII веках (Равеннский экзархат и Пентаполь). — Барнаул, 1991.
8. Theodosiani libri XVI constitutionibus Sirmondianis et leges novellae ad Theodosianum pertinentes / Ed. Th. Mommsen, P.M. Meyer. — Berolini, 1905. — Vol. 1. P.1–2; 1954. — Vol. 2.
9. Corpus juris civilis. — Berolini, 1895. — Vol. 2: Codex Justinianus / Rec. P. Krueger. Ed. stereotypa 6.
10. Waltzing J. P. Etude historique sur les corporations professionnelles chez les romains depuis les origines jusqu'à la chute de l'Empire d'Occident. T. 2: Les colleges professionnelles consideres comme institutions officielles. — Louvain, 1896.
11. Stöckle A. Spätromische und byzantinische Zünfte. — Leipzig, 1911.
12. Suidae Lexicon / Rec. Im. Bekkerus. — Berolini, 1854.
13. West L. C., Johnson A. C. Currency in Roman and Byzantine Egypt. — Princeton; London, 1944.
14. Barnish S. J. B. The Wealth of Julianus Argentarius: Late Antique Banking and the Mediterranean Economy // Byzantion. — 1985. — Т. 55. — Fasc. 1. — P. 5–38.
15. Византийская книга Эпарха: Вступит. ст., пер., коммент. М. Я. Сюзюмова. — М., 1962.
16. Gregorii Theologi vulgo Nazianzeni opera omnia // PG. — 1862. — Т. 38.
17. Theophanis Chronographia ex rec. I. Classeni. — Bonnae, 1839. — Vol. 1.
18. Sophocles E.A. Greek Lexicon of the Roman and Byzantine Periods (from BC 146 to AD 1100). — New York, 1893. — Vol. 2.
19. Corpus juris civilis. — Berolini, 1904. — Vol. 3: Novellae / Rec. R. Schoell. Opus Shoelli morte interseptum absolvit G. Kroll. Ed. stereotypa 3.
20. Nicetae Choniatae Historia / Rec. Im. Bekkerus. — Bonnae, 1835.
21. Leider E. Der Handel von Alexandria. — Hamburg, 1934.
22. Сюзюмов М. Я. О запрете накопления наличными деньгами в Византии // ВВ. — 1947. — Т. 1 (26).
23. Сюзюмов М. Я. О роли закономерностей, факторов, тенденций и случайностей при переходе от рабовладельческого строя к феодальному в византийском городе // Античная древность и средние века. — 1965. — Вып. 3.
24. Kazhdan A. Ignatios the Deacon's Letters on the Byzantine Economy // Byzantinoslavica. — 1992. — Т. 53. Fasc. 2.
25. Рудаков А.П. Очерки византийской культуры по данным греческой агиографии. — М., 1917.

26. Laiou-Thomadakis A. The Greek Merchant of the Palaeologan Period: A Collective Portrait // Praktika tes Akademias Athenon. — 1982. — Т. 57.
27. Античный способ производства в источниках // Известия Государственной Академии истории материальной культуры. — Л., 1933. — Вып. 78.
28. Прокопий Кесарийский. Тайная история // Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история: Пер., статья, коммент. А. А. Чекаловой. — М., 1993. — С. 316–418, 515–531.
29. Ioannis Malalae Chronographia ex rec. L. Dindorfii. — Bonnae, 1831.
30. Haussig H. W. Die judische Geniza — Überlieferung als Quelle für den Nachderungen in der städtischen Wirtschaft // Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik. — 1982. — Bd. 32. — № 2.
31. Corpus juris civilis. — Berolini, 1908. — Vol. 1: Digesta / Rec. Th. Mommsen. Retractavit P. Krueger. Ed. stereotypa undecima. — P. 1–959.
32. Beati Ioannis Eucratae liber qui inscribitur Pratum quod floridaam proferat vitarum narrationem coelestis roseti // PG. — 1976. — Т. 87.
33. Miracula Sti Artemii (Diegesis ton thaumatou toy agioy ... Artemioy) // Varia graeca Sacra. Сборник греческих неизданных богословских текстов IV–XV веков с пред. и указат. изд. А. Пападопуло-Керамевс. — Записки имп. СПб. ун-та. Истор.-филол. ф-т. — 1909. — Ч. 95.
34. Vogt A. Basile I empereur de Byzance et la civilisation byzantine a la fin du IX s. — Paris, 1908.
35. Symeonis Logothetae Metaphastae Vita Sti Marci / PG. — 1864. — Т. 114.
36. Basilicorum libri LX / Ed. C. G. E. Heimbach, G. E. Heimbach. — Lipsiae, 1840. — Т. 2 (Lib. XIII–XXIII).
37. Гурулева В.В. Византийские весовые знаки с изображением храма из Херсонеса // Византия: кумуляция и трансляция культур. Тезисы докл. IX науч. Сюзюмовских чтений 24–27 августа 1997 г. — Екатеринбург, 1997.
38. Сорочан С. Б. Византия IV–X веков: этюды рынка. Структура механизмов обмена. — Харьков, 1998.
39. Лука Пачоли. Трактат о счетах и записях / Изд. подгот. Я. Соколов. — М., 1974.
40. Lopez R. S. An Aristocracy of Money in the Early Middle Ages // Speculum. — 1953. — Vol. 28. — № 1.

Резюме

У статті розглядаються місце міняль у візантійському секторі послуг IV–IX ст., їх зв'язок з пізньоримською системою банківської справи, проблемами термінології та номенклатури. Головну відзнаку трапезитів від інших категорій автор бачить у тому, що тільки вони одержували за розмін певні комісійні, які були узаконені. Однак їх вузьку спеціалізацію не треба перебільшувати. Міняли мали відношення до самих різних побічних занять, що були пов'язані з грішми, і поєднували своє реміс-

ло з діяльністю лихварів, кредиторів, скупників та продавців коштовностей. Негативна оцінка мінял сучасниками мала більш абстрактний моралізуючий характер і, мабуть, перебільшена: серед мінял було не більше шахраїв, ніж серед купців. Насамперед, міняли ніколи не займалися широкими банківськими операціями, але кількість помічників у них не була обмежена, як іноді вважають. Ці помічники були не найманими робітниками, а слугами-учнями або слугами-рабами. У ранньосередньовічній Візантії з її важливою роллю грошей та розвиненим міновим господарством попит на фах міняли міг зменшитися тільки у тих окраїнних районах, які поволі виходили з «номісма-зони» і втрачали зв'язок з Імперією.

Summary

In the article is considered the place of money — changers in a sector of services of Byzantium IV–IX centuries, their genetic connection with late roman system of bank business, problem of lexicon and nomenclature. Main difference of the trapezits from other categories the author sees, that only money — changers received for exchange legalized interest. However degree of their specialization should not be exaggerated. Money — changers have related to the most different spurious occupations connected to money and combined their craft with activity of the usurers, creditors, buyers, sellers of jewelry. A negative evaluation money — changers by the contemporaries carried morals character and probably is exaggerated: among them was no more swindlers, than among traders. Money — changers really never were engaged broad in banking operations, but the number of the assistants at them was not limited as sometimes suppose. These assistants were not the wage workers, but servants-apprentices or servants-slaves. In early middle Byzantium with its important role of money and developed barter economy the demand for a money — changers could fall only in those outlying districts, which gradually went out from «nomisma-zone» and lost contact with Empire.

Ю. А. Голубкин

ПОСЛЕ БУРИ

(Что предопределило позицию Лютера в 1526 – 1529 гг.?)

«Поздний» Лютер не был объектом специального исследования ни в историографии Российской империи, ни в советской историографии. Не проявили интереса к этой теме и историки в независимых государствах, возникших после распада Советского Союза. В работах же общего характера, опубликованных в годы советской власти, неизменно повторялась содержащаяся в труде Ф. Энгельса «Крестьянская война в Германии» односторонняя негативная оценка «позднего» реформатора,

который якобы отрекся «не только от крестьянского восстания, но и от бунта самого Лютера против духовной и светской власти... предал князьям не только народное, но и бюргерское движение» [1, с. 368].

Необоснованность тезиса о «предательстве» Лютера сейчас ни у кого не вызывает сомнений. Но столь же несомненно и то, что уже во время Крестьянской войны Лютер внес существенные коррективы в свое учение о всеобщем священстве, а затем — в период между Первым шпейерским рейхстагом (1526 г.) и Вторым шпейерским рейхстагом (1529 г.) в Германии обозначились контуры как новой позиции Лютера в Реформации, так и нового характера самой Реформации. В современной западной историографии эти изменения определяются терминами «конфессионализация», «суверенная Реформация», «территориальная Реформация» [2]. В советской историографии и историографии ГДР общепринятым был термин «княжеская Реформация». По мнению автора настоящей статьи, характер «поздней» Реформации можно наиболее адекватно отразить в следующем определении: Реформация, осуществлявшаяся «сверху» территориальной светской властью (земельными князьями и городскими магистратами). Результатом такого развития стала утвердившаяся в ряде германских земель и вплоть до 1918 г. возглавлявшаяся князьями Евангелическо-Лютеранская Церковь. Ее основателем по праву считается Лютер.

Но сам он никогда не претендовал на такую роль. И даже тогда, когда новая Церковь была фактически основана и когда ее адепты стали называть себя лютеранами, реформатор неустанно повторял, что единственным Главой Церкви является Христос и что она должна всегда оставаться Церковью, носящей имя своего Главы. Со времени выступления с «95 тезисами» и до последних дней своей жизни Лютер стремился к тому, чтобы очистить христианскую Церковь от укоренившихся в ней на протяжении столетий «человеческих измышлений» и злоупотреблений и привести ее в соответствие со словом Божиим. Конечные итоги Реформации ни в коей мере не соответствовали идеалам и первоначальным замыслам реформатора. В письме к дрезденскому суперинтенденту Даниэлю Гресеру от 22 октября 1543 г. Лютер писал: «Дьявол всегда остается дьяволом. При папстве он сочленял Церковь с государством, в наше время добивается он сочленения государства с Церковью... Но мы стремимся с помощью Божией противиться этому» [3, с. 436].

Душа Лютера была устремлена к вечному Небесному Царству Божьему. Но как преобразователь земной Церкви он, не упуская из виду непреходящие ценности (т. е. то достояние Церкви, которое надлежит сохранять неизменным и ни в каких обстоятельствах не подвергать ревизии), ставил и пытался решать реально осуществимые в тех или иных исторических условиях задачи, придерживался наиболее эффективной в той или иной ситуации тактики, проявлял способность, откли-